

Надежда Крупина

Надежда Леонидовна Крупина — общественный деятель, многие годы возглавляла журнал «Литература в школе», кандидат педагогических наук, православный публицист. Автор книги «Сопричастность времени. Современная литература в старших классах средней школы. Из опыта работы». Жена писателя Владимира Крупина, регулярная участница Крупинских чтений. Живет в Москве.

ТЫ, ДА Я, ДА МЫ С ТОБОЙ

*Житейские истории
от супруги известного прозаика*

*Сыплет небо порошью, все пути хороня.
Помни только хорошее про себя и меня...
Время мчится непрошено, мы уходим, скорбя.
Помни только хорошее, заклинаю тебя.
Помни только хорошее. Скрежеща и круша,
Жизни мелкое крошево перемелет душа...
И омоеся молодо, и останется в ней
Только чистое золото отцветившихся дней...*

Владимир Солоухин

Долго откладывая написание этого очерка из-за боязни не справиться и не ощущая покоя и лада, которые необходимы для такого ответственного дела, что-то пролистывая, неожиданно наткнулась на слова: «Жена — это крылья мужа». Подумала: «Какое сравнение!.. Но о всякой ли жене можно так сказать?.. Обо мне можно? — спросила себя. И себе же ответила: — Обо мне нельзя...» Ну, какие я крылья? Чтобы быть крыльями, надо самой высоко летать, обладать даром вдохновлять, поднимать, восхищать и восхищаться. А я часто унываю, ухожу в себя, услышав не то слово или поймав не тот взгляд; взрываюсь, столкнувшись не с тем, чего ожидала или что для меня неестественно... Но вот уже минуло 58 лет, как мы идем по жизни вместе, перенося радости и невзгоды, потери и потрясения, падая и поднимаясь, то отдаляясь друг от друга, то душа в душу, но, по большому счету, понимая, что нам друг без друга — никак.

Честно скажу, что муж мой не обижается на меня никогда. Даже если я бываю неправа. Только сейчас начала понимать, какое же это счастье. Это я молчанием, слезами и обидой могу ответить на его «не то» слово или какой-то поступок и даже решить, что не буду разговаривать. Но удивительное дело: наутро не всегда могу вспомнить, в чем была вчерашняя «трагедия», на что так рассердилась. А представив, что его может не быть рядом, прихожу в ужас и через какое-то время иду к нему с повинной головой.

Признаюсь: причины быть недовольной супругом бывают. В самом начале 2022 года я упала на скользкой снежной дорожке, вывихнула плечевой сустав и сломала его в нескольких местах. В «Склифе» сделали мне две операции, но неудачно: от тяжелого отека несколько месяцев я почти не спала, мучилась от боли. Три месяца муж самоотверженно возил меня почти ежедневно на многочисленные уколы, процедуры, разработку руки в далекий реабилитационный центр, потому что правая рука моя была беспомощна: я не могла надеть пальто, застегнуть пуговицы, держаться в переполненном автобусе или метро, донести кружку до рта тоже не могла, что уж говорить о поднятии кастрюли на плиту. Благодаря стараниям врачей и массажистов руке частично вернули подвижность, а пальцы так и остались онемелыми.

По весне, в мае, из питомника нам доставили заказанные еще в декабре минувшего года долгожданный саженец лимонно-желтой сирени и несколько сортов роз. В моей жизни с очень редкими праздниками изысканная сирень, какой на маленьком нашем участке пять кустов, и цветы доставляют мне огромную радость. Но сажать в этот раз я их не могла: рука не держала лопату. Пришлось обратиться к Владимиру. «Конечно! Конечно! — сразу откликнулся он. — Только покажи, куда сажать. И не надо за мной следить. Хорошо?» Зная мужа, попросила: «Только постарайся!» — «Обязательно! Не волнуйся! Пойди почитай, отдохни!» Сердце мое не выдержало, и через полчаса я была на месте мужниных трудов. Трогательный тоненький прутик сирени был уже воткнут в землю, и Володя уже притапывал ее вокруг саженца. Из земли топорщились ненавидимая мною сныть, мокрица и крапива. Со вздохом взглянула на него: «Володя, ну почему так?» — «А что? Ну, трава. Естественная природа». — «Ты что, даже граблями землю не разбил?» — «Зачем? Дерево должно жить в своей привычной среде».

Мальша мы, конечно, посадили заново. Вынули его из земли, расширили и углубили ямку; я извела сорняки, многократно просеяла землю, измельчая ее пальцами левой руки. Муж, видя, что получается хорошо, без подсказки и с энтузиазмом принес отличной перепрелой земли и удобрения. Саженец, как в колыбельке, уютно устроился на новом месте, был щедро полит довольным хозяином и обещал не подвести. Под чутким присмотром и при активной помощи Володе жены-леворучки и розы избежали сиротской участи расти в «естественной среде». Я была очень довольна. Обида была погашена отличным результатом нашей совместной работы и искренним усердием моей второй половины.

Человек часто устаёт от людей и нуждается в уединении и отдыхе. Не стоит завидовать публичным людям. Очень часто там, где мы бывали, к мужу подходили читатели. Мы зашли в университетскую Татьянину церковь на Моховой. Поставили свечи, приложились к иконам, вместе помолились у иконы Моей Матери за детей, внуков и здоровье мамы. Уже выходили, когда подошла пожилая милая женщина, представилась: Раиса Андреевна, кандидат наук, доцент географического факультета МГУ, слушает Владимира Николаевича по радио «Радонеж», читает его книги. Хотелось отойти, чтобы не мешать разговору, но муж задержал: «Познакомьтесь. Это моя жена Надежда Леонидовна. Вы ей все расскажите, а она мне. А сейчас, простите, я очень тороплюсь: у меня назначена встреча».

Женщина рассказала о себе, о том, что ее научная тема связана с музыкой великих композиторов, рожденной природой родины. Это вызывает иронию у коллег. А еще

Владимир Крупин и Надежда Крупина

она страдает оттого, что, похоронив маму, оказалась брошена родной сестрой и ее племянницей, которых очень любит. Одинокая, она лечила душу передачами радиостанции «Орфей». Когда ведущие обращались к слушателям с вопросом, кто автор и как называется звучавшее произведение, она не только отвечала на вопрос, но и увлеченно рассказывала историю его создания, показывая большие знания и эрудицию. Продиктовала Раисе Андреевне номер своего телефона. И в течение семи лет, до кончины, она звонила мне практически каждый день. Обида на коллег и родственников не покидала ее, вызывала тоску, отчаяние, лишала сна. Выводить ее из такого состояния было нелегко, но я старалась: как могла, поддерживала ее увлечение музыкой и просила писать о музыкантах, опубликовала в своем журнале замечательный ее материал о природе в музыке. Просила не обижаться на родственников, а жалеть их. Это вызывало возмущение: «Жалеть их? Разве не меня надо жалеть?» — «Но ведь они очень несчастные, не понимают самого простого: что такое благодарность, милосердие. А у вас есть Бог, музыка, любимая работа». Бывало так, что после длинных вечерних разговоров я была совершенно обессиленная. Но на другой день раздавался звонок, и не ответить на него я не могла. Спрашиваю: мог ли муж много лет вести эти разговоры, слушать и внимать, быть врачом и утешителем? Правильно ли поступил он, и правильно ли я?

Гости к нам домой приходят часто, званые и незваные. Мне всегда хочется, чтобы я была об этом предупреждена, чтобы что-то приготовить, испечь, убрать. Для Владимира Николаевича это не имеет никакого значения. У нас, считает он, всегда найдется чем угостить, и дом должен быть живым, а не стерильным. Он убежден, что у нас живой. Я начинаю волноваться — он успокаивает; я накрываю стол — он помогает как может. Он умеет поддерживать любую беседу, оживить ее каким-то случаем, размышлением, рассказом. С ним всегда интересно. Но в какой-то момент Владимир Николаевич извиняется и удаляется за компьютер, почитать, а Надежда Леонидовна остается за слушателя, советчика или сочувствующего...

Это не значит, что писатель Крупин избегает людей и высокомерен. Он вообще не любит длинных разговоров и предпочитает конкретику. Сколько по просьбам и без них написано рецензий, рекомендаций, предисловий, отзывов! Тысячи, наверное, писем, до компьютера — от руки. А сколько часов проведено на заседаниях секретариата Союза писателей, издательского отдела Московской патриархии, комиссии по

присужденной Патриаршей литературной премии, сколько поездок, встреч, конференций, выступлений! А сколько прощальных слов у гробов умерших дорогих товарищей, а теперь молитв о них... Сколько... Но остановлюсь.

Когда я жалуясь на усталость от переложенных на меня забот, бесед и дел, а муж чувствует, что сделал что-то не так, он пожимает плечами, словно оправдываясь: «Да ничего такого я не сделал». Но через короткое время, как-то шутя, легко повинится или позовет пить чай, что означает извинение. Зовет к уже накрытому столу с красивыми чашками и свежей заваркой. С яблочным, самым любимым нашим вареньем. И наступают блаженные, так ценимые мной мир и тишина.

Зная о наших «стычках», а правильнее сказать, о моих «претензиях», дорогой наш духовник, земляк Володи о. Иоасаф, в один из приходов к нам рассказал такую притчу. Приведу ее, как запомнила. «Жили рядом две семьи. Одна в постоянных ссорах, а другая в тишине. Ругающаяся жена сказала мужу: „Пойди посмотри, почему соседи так тихо живут“. Муж пошел, остановился у открытой дверей соседей и прислушался. Жена соседа провожала мужа на работу. Он, выходя в прихожую, нечаянно задел вазу и разбил ее. Огорчился и поднял глаза на жену: „Прости, такой я неуклюжий“. А жена в ответ: „Меня прости. Это я не убрала ее на место“. В тихой семье, заключил наблюдатель за этой сценой сосед, каждый считает виноватым себя, а в шумной — каждый всегда прав».

Батюшка, как опытный педагог и наставник, сделал вывод и от себя, чтобы мы лучше запомнили мудрую притчу: «В семье, где хранят любовь, супруг и супругу брали вину на себя, не осуждая свою половину. Всем бы так. И были бы тогда всегда семейный лад и мир».

А вспомнила я эту притчу в день Прощеного воскресенья, накануне Великого поста...

Есть у меня еще один чудодейственный способ привести себя в чувство, понять никчемность обид и отказаться от принятых вчера глупых решений: надо открыть любую книгу мужа на любой странице. И через короткое время душа моя умиротворяется и погружается в мир русских людей, живущих на земле под небесами, несущих свой житейский крест без громких слов, как это было до них и будет после них. Эта русская жизнь изливается из прочитанных строчек, как полноводная река, которую не остановит; она вся пронизана любовью к родной земле, детям, старикам, вечным труженикам; она вся наполнена трудом, радостью видеть раду-ду-дугу, веселых скворчиков, нескончаемую реку паломников на реку Великую к Николаю Чудотворцу, пронизана тишиною великого Куликова поля, святостью Афона и Святой земли...

У него никогда не было кабинета. Пристроится, где свободное местечко, и пишет. Боже мой, сколько в нашем доме и на даче сумок и пакетов с записями авторучкой или карандашом на блокнотах, салфетках, театральных, авиационных и железнодорожных билетах, программках, чеках — на всем, на чем можно писать. Где и когда можно было сделать столько записей разговоров, увиденных сцен, услышанных реплик и слов, выписок? Каким слухом, зрением и памятью нужно обладать? Последние годы он начал их тщательно пересматривать и понял, что оставшейся жизни на это не хватит. Мне кажется, что на это нужно несколько жизней. А ведь сколько этого услышанного, увиденного им, запомнившегося уже выпорхнуло из пакетов, сумок и памяти его и увидело свет в «Крупинках» и в дневниковых записях...

Для новой пишущей машинки «Эрика» из уважения к ней рабочее место было найдено на краешке стола. Но чтобы закрывалась дверь, я и дети ходили на цыпочках и не дышали, потому что папа работает, — такого не было никогда. Дети врывались, когда надо было найти альбом или карандаши, рассказать, какая история приключилась в саду, им надо было именно с папой послушать пластинку с «Коньком-горбунком», которого так здорово читал Олег Табаков, или лермонтовское «Бородино». И я

никогда не выдерживала долгой разлуки: и мне надо было, именно когда он работает, обязательно ему прочесть удачное ученическое сочинение, без него я не отдавала ни одной своей статьи в журнал «Литература в школе», только ему надо было срочно прочитать стихи из «Нашего современника», чтобы и он со мною порадовался за автора.

Таков и он сам. Понравился чей-то рассказ, стихи, он что-то прочитал хорошее, кто-то подарил книгу — он загнет понравившуюся страницу и тут же ко мне — читать вслух, хотя видит, что я засела за работу: «Оторвись, Надечка. Послушай, какие прекрасные стихи написал Толя» (или Коля, или Володя. Речь о Гребневсе, Рачкове, Кострове. И этот ряд можно очень долго продолжать). А когда появился ноутбук, стол был отринут. И с этим достижением человечества на коленках он может сидеть по многу часов в любом месте, где ему в данную минуту приглянется. Правда, дети и внуки уже не донимают, донимаю только я... Но со мной он терпелив, как с маленькими и со старенькими...

Я увидела Володю Крупина в 1964 году, переведясь после первого курса с вечернего отделения литфака Московского областного пединститута на дневное. Вошла в большую аудиторию, полную студентов — шумных, веселых, и растерялась. Меня подхватила полненькая, небольшого роста девчушка и, увлекая к последним столам, указала на место рядом: «Садись! Свободно!» За несколько минут я узнала о самых примечательных личностях второго курса. В основном это были парни после армии, крепкие, ладные, красивые. Среди них был назван и он, но в этот день, к началу лекций, его не было; как позже узнала, Владимир до занятий работал. Появление его за соседним крайним столом не заметила. Профессор Аксенов вел у нас отечественную историю и, иронично обращаясь к многочисленной девичьей аудитории, вопрошал: «Ну что, будущие домашние хозяйки! Где находился в столице Георгиевский монастырь конца XV века и с какими событиями русской истории он связан?» Показавшую бесконечной пронзительную тишину прервал парень, сидевший справа на одной линии со мной. Обратила внимание на волосы цвета степного ковыля (необычность и красоту их подчеркивал черный, как узнала потом, отцовский китель), открытое лицо, высокий лоб. Он единственный поднял руку и получил за ответ похвалу нашего уважаемого преподавателя. По речи поняла, что он не москвич, но Москву знал блестяще. Потом от него же узнала, что много времени он проводит в Исторической библиотеке, в школьные каникулы подрабатывает экскурсоводом, а для этого надо немало знать и интересно рассказывать. Подобные вопросы профессор Аксенов задавал практически на каждом занятии, и всех нас, незнаек из Москвы и Московской области, выручал вятич Володя Крупин.

Интересно, как порой складывается жизнь, соединяя времена: в 1988 году Союз писателей дал мужу после долгих ожиданий и вручений смотровых — в писательский дом в Лаврушинском переулке у Третьяковской галереи и в многоэтажку недалеко от Беговой, у издательства газеты «Красная звезда» (оба раза мы, не раздумывая, давали согласие, но жилье отдавали другим писателям), — квартиру в самом центре столицы, в Камергерском переулке, соседнем с Георгиевским. Здесь, в школьном дворе, где когда-то стоял Георгиевский монастырь, стали строить спортивную площадку, для этого рыть котлован. И нам открылась страшная картина: надо вскрыто монастырское кладбище, и белые кости под нещадным солнцем словно просили о погребении. Владимир брал большую сумку, мы бережно собирали их и везли за город, на кладбище возле нашего домика у храма Рождества Пресвятой Богородицы в Никольском, где было последнее пристанище простого русского человека, нашего добрейшего соседа Константина Эммануиловича, героя повести «Прощай, Россия, встретимся в раю!» В его могилку мы подхоранивали с молитвою косточки монахинь известного когда-то женского монастыря...

Меня удивляло, что Володя Крупин порой спал на лекциях. Мы стекаемся на занятия, а он уже в аудитории и спит за последним столом, подложив под голову руку. Однокурсницы пояснили, что он работал в ночную смену на Микояновском мясокомбинате: сначала в цехе, потом в многотиражной газете. Но стоило профессорам по зарубежной литературе Зое Тихоновне Гражданской или Владимиру Николаевичу Богословскому спросить аудиторию о любом зарубежном авторе или произведении, Володя, как и в случаях с доктором наук Аксеновым, тут же «оживал» и блестяще отвечал. Память у него была (и остается) редкая. И книги он словно не читал, а фотографировал. Не веря такой скорости, девчонки поначалу экзаменовали его, раскрывая перед собой текст, но он пересказывал его почти дословно.

Особое отношение к нему было у нашей преподавательницы диалектологии Анастасии Филимоновны Ивановой. На каждом занятии она просила его что-либо рассказать и призывала нас вслушиваться и наслаждаться своеобразной певучей речью Крупина.

В 1965 году, когда мы уже неразлучно дружили, Володя по настоянию его коллег пригласил меня в редакцию своей многотиражки. Предложил сменить туфельки на деревянные сабо, чтобы не упасть на скользком от крови полу, Крупин через цеха и холодильники вел меня за руку, заранее предупреждая: «Сейчас закрыл глаза. Этого лучше не видеть... А теперь открой». Все же что-то я успевала увидеть, специфических запахов скрыть было нельзя, и, придавленная этими впечатлениями, я с облегчением вошла в небольшую редакцию, глубоко вобрала живительный воздух из открытого на высоком этаже окна и тут же была представлена маленькому и дружному коллективу, уже ожидавшему моего появления. С первой минуты пребывания в редакции было понятно, что моего избранника здесь по-отечески любят... Боже мой, как меня принимали! Никогда в жизни я не ела ничего подобного и такого вкусного. Все изыски экспортного цеха, готовившего свою продукцию для Кремля и правительства, во всей своей красоте и ароматах предстали перед глазами. А потом был душистый чай и хорошая беседа; и казалось, что и главного редактора Александра Николаевича, и машинистку и заодно секретаря Валентину Васильевну, и Володиного друга литсотрудника Леву знаю я давным-давно. А их отношение ко мне Володя выразил вечером по телефону: «Очень понравилась. Передаю привет». Все они были через год на нашей свадьбе.

Вспоминается еще один эпизод, связанный с этим временем. В институт я ездила на электричке от станции Люблино до Курского вокзала, а там шла пешком до улицы Радио.

— Ты во сколько едешь в институт? — позвонил мне из редакции. — Сядь в вагоне у окна с левой стороны.

— И что?

— И после Текстильщиков посмотри вдаль, правее высокой трубы.

— А там что?

— Увидишь!

С нетерпением ждала чего-то мне обещанного. Минули станцию Текстильщики, и, найдя глазами почти на горизонте высокую трубу, я повела взгляд вправо и увидела (как я поняла, на крыше далекого мясокомбината) башню, а на ней едва заметную фигуру, махавшую (мне!) красной косынкой. Как он туда забрался? Было страшно за него. И радостно. Посланный таким образом привет от любимого был мне очень дорог и, как вы догадываетесь, не мог забыться.

Удивлять он любит и умеет.

После второго курса у нас была обязательная летняя практика в лагере. Деканат собирает нас в красивом актовом зале старинного здания МОПИ, чтобы объявить об этом. Всех служивших в армии парней называют по фамилии и говорят, что им доверено работать в лагере Министерства обороны в Евпатории, остальные поедут в под-

московные лагеря. Все понятно, и все поднимаются с мест. Но вперед вылетает Владимир, останавливает народ и, обернувшись к президиуму, громко заявляет: «Я без Нади в Евпаторию не поеду. И если ей нельзя, оставьте и меня для подмосковного лагеря». Обомлела. Не ожидала такого. Представляю, как ему, мечтавшему в детстве стать моряком, хотелось увидеть море. Но в итоге мы оказались в Евпатории.

Работа здесь была практически круглосуточная. Утренние линейки, построения, конкурсы, смотры песни и строя (и всего, чего только можно), соревнования, кружки, ночные костры, сумасшедшее купание многочисленного отряда в море (только успевай считать по головам вошедших в море и вышедших из него!), укладывание спать (когда кто-то затосковал по папе-маме, а кто-то замыслил ночью испугать девчонок, сделавшись привидением), срочные сборы вожатых, обычно устраиваемые военным начальством после полуночи для подведения итогов дня и постановки задач на завтра... Встречаться нам практически было некогда, не хватало времени на сон. В пересменок, скучая по родителям, я пользовалась возможностью увидеть их, привозя в Москву одну смену и забирая другую. Володя оставался в Евпатории: общежитие обычно летом ремонтировали, и в тихом без детей лагере можно было отоспаться. Но когда я возвращалась, на кипенно-белом покрывале на моей кровати всегда был букет роз. Розы украшали огромные квадратные километры территории нашего лагеря «Чайка». Все это было охраняемо большой армией отставников-пенсионеров, еще очень крепких и сильных, как подобает военным. Боже мой, как вдохновенно рисовал Крупин операцию по отвлечению охраны лагеря от объекта его посягательств. Привлеченный для помощи друг-однокурсник успешно справлялся с этим тяжелым заданием, а Володя, по его словам, в это время полз на животе к розам и перегрызал их зубами, «чтобы порадовать Надю». Сколько здесь правды и сколько фантазии, думать не хотелось. Важен был результат: огромный букет роз на белом покрывале и вдохновенный рассказ о преодолении непреодолимых преград для доказательства силы любви.

В юности и пока был полон энергии и сил, Володя ездил на родину довольно часто, несколько раз за год. И обязательно звонил из Владимира. Это всегда было ночью: он не ложился, пока не увидит храм Покрова на Нерли. Мобильников тогда не было. И чтобы позвонить, надо было бежать на вокзал, найти телефонную будку и запастись для звонка пятнадцатикопеечными монетами. Всегда боялась, что он опоздает вернуться и поезд уйдет, и поэтому каждый раз просила не рисковать. Но ни разу этой традиции он не изменил и неизменно звонил, чтобы сказать мне хорошие слова, потому что знал: без него мне одиноко и я уже считаю время до его возвращения.

В 1981 году Володя, уже автор «Живой воды» и «Сорокового дня», был включен в состав большого писательского десанта в Мурманск и Североморск для встречи с читателями и моряками. Я провожала его. На вокзале видела уже знакомых Сергея Павловича Залыгина, Виктора Ивановича Лихоносова, Володю Личутина, Толю Кима и многих других. Все были вдохновлены и рады друг другу. И в этой поездке уже утром с какой-то станции муж кинулся мне звонить, перебегая через рельсы и устремляясь в здание вокзала. Всегдашний вопрос: как ты, Катюша, Володечка, родители? Обязательные ободряющие слова. На обратном пути дорогу к его уходящему поезду перекрыл другой состав. Обнаружив пропажу Володи, товарищи-писатели все поняли. Мне позвонил Сергей Павлович: «Надя, не беспокойтесь! Телеграмму на станцию дали. Володю посадят на следующий поезд через час. В гостиницу привезут».

Но не беспокоиться о нем нельзя, потому что о себе он никогда не беспокоится. Если этого не делать, он что-нибудь важное обязательно забудет, потому что торопыга, потому что может сначала сделать, а потом подумать и пожалеть о сделанном, потому что часто он не там и не с тем, с кем находится в эту минуту, а где-то: может, в глубине себя, или со своими героями, или в местах, куда в этот момент устремилась его душа...

В 2018 году мы прилетели в Омск на юбилей театра «Глас», поставившего замечательный спектакль «Во всю Ивановскую» по произведениям Крупина, горячо принятый не только в Омске и в Москве, но и во Франции, куда в хорошие времена дружбы народов театр был приглашен. Где бы мы ни были, муж рано просыпается и бежит знакомиться с городом или новым местом. Так и здесь. Проходит время, звонит в номер: «Глянь в окошко!» Подхожу и вижу на свежем снегу крупно вытопанное его ногами слово «НАДЯ» и его, уже за оградой, улыбающегося и машущего мне руками...

Но снова вернемся в 1964 год. Минуло две или три недели сентября. По давней традиции второй курс откомандировали на уборку картошки. Мне пришлось ехать с тремя учебниками по предметам, которые на вечернем еще не читали. Среди этих предметов самым сложным была для меня диалектология. Перешедшие со мною с вечернего две мои сокурсницы были от колхоза освобождены, так как деканат счел, что досдать в короткое время три дисциплины, целый месяц с утра до вечера работая в колхозе, нереально, и оставил моих подруг в Москве. Мысль освободиться от колхоза в мою голову не пришла, и я поехала в Подмосковьё, ничуть потом не жалея об этом. Да, девчонки ложились спать после вечернего костра, а я еще корпела над учебниками. Но я хорошо узнала своих новых товарищей и полюбила им за прекрасные туристические, а вернее сказать, романтические нежные песни, которые для них были новыми, а для меня любимыми и дорогими: дружный класс, в котором я училась, водил в походы мой старший брат, мастер спорта по горному туризму. Он не только учил нас ставить палатки и экономно расходовать спички при розжиге костра, переходить реку, не опасаясь упасть в нее, и заваривать чай собранными травами, но и заразил меня и моих одноклассников любовью к авторской песне, которую мы сохранили до сей поры. И уже совсем скоро мы пели вместе песню Александра Городницкого о красивой стране, так напоминающей родную, но несравнимую с нашей:

Над Канадой небо синее,
Меж берез дожди косые...
Хоть похоже на Россию,
Только все же не Россия...

В один из вечеров под звездным небом у тихо горящего костра мне вспомнилась замечательная «Зимняя сказка» Сергея Крылова, написанная всего год назад, в 1963-м. Как же она всем понравилась!

Когда зимний вечер уснет тихим сном,
Сосульками ветер звенит за окном,
Луна потихоньку из снега встает
И желтым цыпленком по небу плывет.

А в окна струится сиреневый свет,
На хвою ложится серебряный снег.
И, словно снежинки, в ночной тишине
Хорошие сны прилетают ко мне.

Ах, что вы хотите, хорошие сны?
Вы мне расскажите о тропах лесных,
Где все словно в сказке, где — сказка сама —
Красавица русская, бродит зима.

Но что это? Холод на землю упал,
И небо погасло, как синий кристалл,
То желтый цыпленок, что в небе гулял,
Все белые звезды, как зерна, склевал.

Полюбила своим друзьям и новая, только что зазвучавшая песня Юрия Визбора «Ты у меня одна». Все мы мечтали о верной и большой любви, и эта песня выражала надежды каждой из нас услышать о себе такие слова:

Ты у меня одна,
Словно в ночи луна,
Словно в году весна,
Словно в степи сосна.
Нету другой такой
Ни за какой рекой,
Ни за туманами,
Дальними странами...

Наверное, покажусь наивной, но я уверена, что те, кто поет и слушает такие теплые, сердечные песни, не могут стать злыми, мстительными, завистливыми. Они добры, искренни, они надежные друзья и умеют любить.

В один из дней к нам в качестве проверяющих приехали преподаватель старославянского языка, любимый всеми Георгий Александрович Хабургаев, и Володя, партгор факультета. Георгий Александрович был весь день на виду. Строгий на лекциях, здесь после работы он, как мальчишка, гонял с парнями мяч, чем немало меня удивил. Владимира за день видела мельком только раз: с кем-то из ребят он проходил мимо нашего девичьего кружка у костра. Не знаю, правда это или выдумка, но позже он рассказывал, что взгляд его случайно задержался на мне и он спросил своего спутника: «Ой! Это кто?» — «Да это Надя. С вечернего пришла». Вопрос Крупина красноречиво свидетельствовал о том, что за месяц учебы он не обратил никакого внимания на «новенькую», и понятно: в это время сердце его было занято Элей, высокой красивой блондинкой, уверенной в себе и не сомневающейся в своей неотразимости. Как такую не полюбить?

Не буду рассказывать историю нашего движения навстречу друг другу. Об этом повесть «Прости, прощай...» Но два эпизода о том периоде вспомню. Кончились занятия, я уже собиралась к Курскому, когда подошла Эля: «Слушай, выручай! Я Крупину сегодня обещала встречу, а меня Романов с инфака уже ждет у входа. Задержи, пожалуйста, Володьку». Сказать ему, что она ушла с другим, не поворачивался язык: «Просила простить: что-то срочное». Так у меня оказался провожатый до Курского вокзала. Ну, проводил и проводил. Другой раз Эля жестко сказала ему, собравшемуся с группой однокурсников в подмосковный детский дом: «Выбирай! Или они, или я!» Крупин выбрал детей-сирот. И больше ей не звонил...

Институтская жизнь была очень насыщенной. На литобъединении «Родник», который посещали почти все парни нашего курса и куда приглашались все однокурсницы, услышала впервые Володины стихи.

В сорок седьмом году
Есть особенно было нечего.
В сорок седьмом году
Становились в очередь с вечера.
Хлеб давали по спискам мукой.
Раз на землю мешок уронили:
Нагребли на фанерку рукой
И по норме меня наделили.
Я тогда до всего не дорос,
Но уже и тогда был не слеп:
Отвернулась мама, чтоб слез
не впитал суррогатный хлеб.
Это было давным-давно,
Как для вас немое кино.
Но с тех пор для меня все равно
Хлеб с землей — понятие одно.

Мне понравились эти простые, искренние стихи, на них откликлось сердце. В их строках чувствовалось пережитое и осмысленное им самим, в них был сам автор, с его убеждениями и ценностями.

Очень люблю и другое юношеское стихотворение. Все в нем говорит мне о добром человеке, который умеет не только смотреть на мир, но и видеть его красоту, неповторимость, замечает в привычном что-то щемящее и трогательное и выражает свое чувство в необычных и запоминающихся образах.

Апрель для зимы горек.
Вода проталины вымыла.
Поляна ладошку-пригорок
Из варежки снежной вынула.

Листок одеяльцем стелет.
Да разве сладись с ребенком?
На тоненькой ниточке-стебле
Мотает своей головенкой.

Расправила хрупкие плечи
Его двухнедельная участь.
Я старше его и крепче,
Но мне бы его живучесть.

В это время Владимир провожал меня уже не до Курского вокзала, а ехал со мной до станции Депо, и мы шли через высоченный мост над множеством железнодорожных рельсов, пересекали Люблинскую улицу и оказывались у моего дома. Именно тогда услышала я стихи, обращенные ко мне.

«Ой, ты, Люблино, ой, ты, Люблино!» —
День и ночь повторяю одно.
Ой, полюблено, ой, полюблено
Тополиное Люблино.

А в том Люблине приголублено
Тюлем забранное окно.
Поправляешь меня: «Да не Люблино!
Говори, как все: Люб-ли-но!»

А мне хочется, чтобы Люблино.
Пусть покажется это смешно —
Никогда не будет разлюблено
Тополиное Люблино.

Договорились, что в день моего двадцатилетия попросим у родителей разрешения пожениться. Оба волновались. Мне казалось, что стук моего сердца был слышен всем. Благословение было получено.

Уснуть бы, чтоб встать — как родиться!
И улыбнуться солнцу, и рассмеяться ветру —
И ты чтоб рядом!
И жить бы, как петь, как слушать!
Работать самозабвенно, учиться взахлеб и жадно —
И ты чтоб рядом!
А если ехать — как в сказку!
Чтоб поезда кричали, чтоб пароходы пели —
И ты чтоб рядом!..

До свадьбы оставалось два месяца...

Уезжая в «Чайку» летом 1966 года, мы еще не знали, что нас уже трое. Володя работал старшим вожатым огромного лагеря, а его надо было не только обойти несколько раз за день. Ежедневно три раза мы встречались в столовой, куда он забегал на несколько минут, ел на ходу, всегда торопился. Можно ли было назвать это встречами? Перекинемся несколькими словами, но уже кто-то, пионер или вожатый, тянет его за руку, и он снова бежит как на пожар. Отработали смену, и стало очевидно, что оставаться в «Чайке» я больше не могу: каждое посещение столовой было для меня непереносимой пыткой. Суровые начальники нас с трудом отпустили. И мы уехали в Тамань к моим родственникам, где в детстве и юности я бывала каждое лето. Володя очень полюбил Тамань и говорил в шутку, что Лермонтов перешел ему дорогу, что после Михаила Юрьевича про Тамань не напишешь. Но рассказ «Песок в корабельных часах», несомненно, таманский, как и стихи:

Табань! Весла суши!
Тамань — вокруг ни души.
Хочу вас услышать, поэт!
Кричу — только эхо в ответ.

Но более этих строк мне по душе другие.

Милой женщине, рядом со мной под темнеющим небом стоящей,
Тихо сказал я: «Твои обнаженные плечи
Ветер вечерний, несущийся с гор, остужает.
Лучше вернемся, на звезды посмотрим с балкона».
«Зябну немного, — она отвечала, — но ветру я благодарна:
Он в детстве таманском далеком моем
Запах пылины из рук моих выкрал и в небе его сберегал.
А сегодня его возвращает.
Видишь, звезды поникли — пылью опустилась на землю».

Наши родные жили на улице Пушкина у Покровской церкви. В Яблочный Спас Володя заспешил в храм. Как обрадовались, захопотали станичные старушки, увидев молодого человека! Ведь это было время воинствующего атеизма. Вернулся он оттуда одаренный виноградом, яблоками, грушами. Все это богатство добрые прихожанки сложили в большую наволочку. Любознательный мой муж на второй день встретился с бабушкой и пришел домой переполненный впечатлениями и с таким рассказом: оказывается, наша церковь выстроена в 1793 году на фундаменте античной. Необычная форма многоколонного храма напоминает корабль, плывущий в Царствие Небесное. Это первый храм на Таманском полуострове. Чтобы сохранить его от турок, жители засыпали его песком. Когда запорожцы их прогнали — раскопали. В нем молились Суворов, Лермонтов, Пушкин. Звонарем этого храма был выросший слепой мальчик, описанный Лермонтовым в повести «Тамань». Судьба храма, как было видно, потрясла и рассказчика, и нашу родню, и меня, и мою маму.

Спустя годы мы узнали, что наше бракосочетание свершилось в день иконы Козельшанской Божией Матери. А эта икона — одна из главных святынь Таманской церкви.

Как-то после сильного шторма мы достали из моря осколок разбитой амфоры с изображением виноградной лозы. В моем детстве и юности такие амфоры часто извлекали после приобая целыми и сушили на высоком берегу археологи. С находкой решили зайти в музей. Я очень боялась, что ее у нас заберут. Научный сотрудник внимательно осмотрел нашу реликвию и вернул в мою ладонь: «Четвертый век до нашей эры». Мы онемели... Через минуту Володя торжественно изрек: «Между нами и мастером, изготовившим этот сосуд, двадцать четыре века!.. Вдумайся только!..»

Кто-то называет Володю счастливым: всегда жизнерадостен, никогда не жалуются. Но это слово никак не приложимо к его жизни. Верно будет назвать его счастливым человеком. Тендряков, Залыгин, Белов, Распутин видели его природное дарование, но видели и целеустремленность, неутомимость, верность своему отеческому направлению. В его жизни были настоящие испытания на выживание, терпение и смирение: неистовство цензуры, искаленные сокращениями произведения, года без изданий книг, глухота критики. Да и сейчас многие произведения его не прочитаны, не замечены ею. И что же, падать духом? Не было такого никогда. По большому счету, несмотря ни на что, он счастливый человек. У него были настоящие учителя — книги, которые он читает всю жизнь, старшие товарищи-писатели, была настоящая мужская дружба с замечательными прозаиками и поэтами, были массовые тиражи, дававшие всем талантливым известность, преданные и верные читатели, следящие за его творчеством с первой книжки, сотни писем от них с живыми откликами на прочитанное.

Помню, какими счастливыми выходили мы из Центрального дома литераторов вместе с радующимся Володю Тендряковым после бурного обсуждения его книги. Возбужденный, Владимир Федорович настаивал, чтобы мы поехали к нему отметить победу, по дороге взволнованно комментируя обсуждение. Дома он в картинках рисовал жене, красавице Наталье, все его перипетии. Он сам предложил Кручину написать предисловие к первой книге. В свое время С.П. Залыгин своей публикацией о творчестве Кручина в «Литгазете» снял табу не только на печатание его книг, но даже на упоминание его фамилии в перечислении с другими писателями. Разве все это не настоящее счастье? Да, он не счастливый человек, не изменивший своей отроческой культуре стать русским писателем.

Все трудное все-таки преодолевалось. Родители помогать Владимиру не могли. Да ему и в голову это не приходило. Учился на дневном и все годы работал. Поженились — тоже жили трудно. Стипендия — 21 рубль. Когда родилась Катя, Володя сдавал на молочную кухню сцеженное мною молоко. Денежка за него нас выручала, а его прихода на кухню ждали пять мамочек.

В небольшой квартире жили мои родители, мы с маленькой дочкой и бабушка. На кооперативную квартиру занимали у родственников. Днем Володя работал на новом телевизионном канале, предшественнике канала «Культура», сначала редактором, потом сценаристом. Ночью в ванной, чтобы никого не разбудить, писал пьесы о Ван Гоге, Родене, Федотове, Баженове, Пластове. Выходные просиживал в Исторической библиотеке, для радио «Юность» сделал прекрасную передачу о древнерусской живописи «Белое, красное, золотое — цвета русские», интересными были и его передачи о Бахе, Скрябине. Это были годы такой интенсивной работы, такого внутреннего роста! Раздали все долги, переехали в почти пустую новую квартиру.

Помню, зимой приехали к нам из Керчи моя крестная с дочерью, моей двоюродной сестрой. В середине комнаты только стол и три стула. Мама достала нам настоящую дубовую бочку. О такой можно было только мечтать. Купили 100 килограммов капусты, 10 — моркови, соль и в шесть рук все засолили. Бабушка сшила на бочку стеганый чехол. Бочка эта несколько лет была нашей кормилицей. Ее Володя описал в рассказе, так и названном — «Бочка».

Из зарплаты платили за квартиру, детский сад, музыкальные занятия. Почти ничего не оставалось. Были у нас годы бедности и непечатания. Помогали выйти из положения лекции в обществе «Знание». В районе, где мы жили, было много строительных организаций, автобаз, славился на всю страну огромный литейно-механический завод. И все организации заботились о культурном росте своих сотрудников. Сколько интересных и увлекательных рассказов о классике, современных писателях, литературной Москве мы поведали простым рабочим людям, приходившим нас послушать в обеденный перерыв. Помню курьезный случай в строительном тресте, со-

трудников которого созвали на лекцию о Блоке. Народ ждал лекции о новых видах блоков, применяемых в современном строительстве. А я пришла с совсем другим. Разочарование, написанное на лицах слушателей, развеял сам поэт: любимое мое стихотворение «Ты помнишь, в нашей бухте сонной...», прочитанное от всей души, и вдохновенный рассказ о том, что оно о каждом из нас, вызвали неподдельный интерес слушателей, и в конце встречи я получила приглашение приходить еще.

За «лекцию» платили 6 рублей 40 копеек. Выходя из ворот завода или из швейного цеха, мы чувствовали себя богатыми людьми. Тогда это была большая сумма, просто спасительная: десяток яиц или свежих, сочных котлет Микояновского завода стоил 90 копеек, батон вкуснейшего хлеба — 13 копеек, масло — 2 рубля 70 копеек килограмм. Если один из нас приходил с продуктами, он осчастливливал семью.

Я работала в школе допоздна. Тогда ребята не мчались после уроков, как сейчас, к репетиторам и на курсы, их и в школе хорошо готовили к вступительным экзаменам. Почти все после занятий собирались в кабинете литературы. Вместе думали, какой бы новый спектакль поставить, куда сходить в поход, что из вышедшего в журналах обсудить на уроке. В нашем новом микрорайоне тогда не было даже кинотеатра. Каким-то невероятным образом округа узнавала, что в 773-й школе десятый класс будет показывать что-то новое. Зал в день премьеры заполнялся до отказа: кто-то стоял, кто-то сидел на полу вдоль стенок. Все местные хулиганы тоже были тут. Я нервничала, боясь их сюрпризов. Но надо было видеть притихший зал, это замирание зрителей, когда перед ними оживали рассказы Шукшина или в песнях и стихах разворачивалась судьба Николая Рубцова, когда весь мой класс накануне 9 Мая показывал литературно-музыкальную композицию о войне, разыгрывая сцены из прочитанных и полюбившихся нам книг Астафьева, Курочкина, Е. Носова, Богомолова, Бондарева, Быкова, Васильева. И всегда в такие дни был с нами и Володя, для моих ребят — Владимир Николаевич. Он ездил с нами в Мелихово, Ясную Поляну, Шахматово. Когда я поступила в аспирантуру, муж три года до моей защиты проводил за меня уроки литературы. Добрая душа, он, конечно, очень отличался от строгой жены-учительницы. Программа осуществлялась, но он каким-то образом находил время и заразил «моих» детей древнерусской литературой, былинами, пословицами и поговорками, рассказывал о Голубиной книге, русской свадьбе, читал отрывки из «Лада» и «Бухтин» Белова и рассказы Шукшина, Астафьева, Е. Носова. На выпускном вечере мы были у них вместе. И до сих пор с нашими бывшими учениками, уже тоже ставшими бабушками и дедушками, мы поддерживаем связь. Когда мы ведем передачи на радио «Радонеж», они звонят на прямую линию, говорят добрые слова и пересылают своим одноклассникам ссылки на наши передачи.

В десятилетие полного непечатания (1991 — 2001), когда не вышла ни одна книга и денег катастрофически не хватало, помогали две сослуживицы по предыдущей Володиной работе в издательстве «Современник», прекрасные молодые женщины, настоящие товарищи, не раз выручавшие нашу семью. Они служили уже в Госкомиздате, куда поступали планы издательств со всего Советского Союза. На планы эти надо было писать рецензии. Огромное количество папок, высотой выше стола, содержали тысячи наименований книг и фамилий. Надо было не только перечитать тысячи страниц, но и оценить заявленную к печати книжную продукцию. Не представляю, как с этим можно было справиться, сколько сведений держать в голове. Но Володя справлялся с этой, на мой взгляд, невыполнимой работой. Им были очень довольны, был доволен и он: каторжный труд оценивался достойно, и какое-то время мы могли жить нормально.

Бывали дни, когда мы искали в карманах хотя бы пятак: на него можно было купить четвертинку хлеба. В трудные периоды жизни спасал Валя Распутин. Он приходил и оставлял незаметно для нас, под книгой или журналом, деньги. Потом звонил и

говорил, где мы можем их найти. Когда сорел родительский дом в Кильмези, очень помог Василий Иванович Белов, прислав солидную сумму. И тот и другой категорически отказывались принять от нас деньги, когда появлялась возможность их вернуть.

В 1990–1993 годах Володя работал главным редактором журнала «Москва». Я стала главным редактором журнала «Литература в школе» двумя годами раньше. Работа эта, с одной стороны, очень ответственная, напряженная и нервная. Очень тяжело отказывать авторам. С другой — какая радость опубликовать талантливое произведение или статью, открыть новое имя, развернуть дискуссию по самым злободневным и острым вопросам жизни! Но стало понятно, что о своем литературном труде придется забыть. Володя читал все: поэзию, прозу, публицистику, критику. Чтение рукописей, даже при его способности читать быстро, занимало день и ночь. Они не иссякали, что не могло не радовать редакцию. Но отнимали здоровье и силы, что очень меня огорчало. Когда из редакции позвонили и сказали, что мужу вызвали скорую (держась за стенку, он опустился на пол и потерял сознание), я кинулась на Арбат. Он уже пришел в себя, был очень бледен. Врачи сказали: сосуды. Мне было ясно: работу ему надо бросать не только из-за здоровья, но и потому, что, останься он в журнале, на себе как на писателе надо поставить крест. Через какое-то время мы пригласили к себе Леонида Ивановича Бородина, он работал тогда в отделе прозы, и долго уговаривали его сменить Володю на посту главного редактора. В конце концов, он сдался. Но с оговоркой: на два года. Не более. Главным он остался до конца жизни...

Хоть немного скажу о премиях. В отсутствие мужа позвонил Игорь Петрович Золотусский. «Надя, уговорите Володю участвовать в конкурсе „Ясная Поляна“. Я его очень поддержу, он заслуживает награды за вклад в русскую литературу». Поговорить я обещала, но была уверена в неосуществимости этого дела. Убеждала, что это почетно, что за него такой уважаемый человек, говорила, что нельзя из-за взглядов Толстого, которые ты не разделяешь, отрицать его величие как писателя, что это, в конце концов, поправит и наши материальные дела. Все было напрасно. Он отказался от престижной Толстовской премии, разделяя точку зрения праведного Иоанна Кронштадтского на учение Толстого, а потом отказывался и от других.

Но не отказался от участия в конкурсе на Патриаршую литературную премию, которая впервые была присуждена в 2011 году. Как раз тогда, когда сорел дом его детства и юности в Кильмези, где он родился. Шли на церемонию вместе в цветущий майский день. Я знала, что он подал заявление на участие с рекомендациями нескольких епархий. Не знаю почему, но сказала: «Ты иллюзий не строй и не надейся. Ни за что тебе эту премию не дадут». Патриаршую премию вручали в Зале соборов храма Христа Спасителя, потолок которого напоминал высокое звездное небо. Когда Святейший Патриарх Кирилл объявил первого лауреата, моего мужа, переполненный зал встал в едином порыве. Я была ошеломлена. А Володя и сказать не смог ничего торжественного. Только: «Спасибо. Я очень благодарен. У меня дом на родине сорел, хочу его восстановить и открыть музей православной культуры... Поэтому деньги очень нужны...» Патриарх засмеялся и благословил раба Божия Владимира.

Не отпускали меня все эти дни воспоминания; будили ночью уже ушедшие, но живые в моем сердце люди: родители, учителя и преподаватели, друзья... Вставали перед глазами места, где мы бывали вместе...

На что уходила его жизнь? Только не на себя. Журнал «Москва» при нем соединил вечные вопросы современности и Православие, и сейчас выходит приложение «Благодатный огонь», созданное тогда, но уже не отдельным изданием, а внутри большого журнала. Он был среди организаторов борьбы с богоборческим планом поворота северных рек на юг, участником международного Байкальского движения за сохранность запасов пресных вод на планете, за возрождение храма Казанской иконы Божи-

Матери на Красной площади, за восстановление Страстного монастыря. Много лет он ежегодно участвовал в Великорецком крестном ходе, который неоднократно описывал. Горячее участие его в работе первого Совета по восстановлению храма Христа Спасителя вместе с В.А. Солоухиным, В.Г. Распутиным, Ю.В. Свиридовым, художником В.П. Мокроусовым отмечено на мемориальной доске в алтаре храма. Он проводил многолюдные вечера по защите природы в Центральном доме литераторов. Обо всем не расскажешь.

Но хотя бы кратко упомяну незабываемое. Прежде всего, Святую землю. Володя был там двенадцать раз. И всегда ходил босиком. Исходил ее всю, много писал о ней. Я была дважды, а с ним стала свидетельницей схождения Благодатного огня. Фонд апостола Андрея Первозванного разработал программу доставки Огня в Москву, а наш сын Володя (у нас и внук Володя) был одним из исполнителей этой программы. Мужу моему было дано от священноначалия благословение написать молитву о мире в Святой земле, читаемую тогда, во время войны Израиля с Палестиной, во всех православных храмах России и зарубежья.

Навсегда сохранились в моем сердце часы и минуты, когда мы стояли на коленях перед последним земным ложем Спасителя в Вуруклии огромного храма Воскресения Христова. Договорились, что, ожидая схождения Огня, каждый из нас постарается вспомнить как можно больше людей, помянет всех живых и ушедших, связанных с нашей жизнью. Боялась не успеть. Трудно было сосредоточиться: гремели барабаны, раздавались громкие возгласы, скандирования. Арабы взгромождались на плечи друг другу, как Захария в Иерихоне на дерево, чтобы увидеть Господа, являемого в схождении Огня. Последние минуты кажутся невыносимо длинными. Но все и все замирают, когда Патриарх Иерусалимский входит в Вуруклию. Наверное, всем, как и нам, кажется, что если не будет Огня, то это именно по его грехам. Страшно. Но вот вспыхивает Огонь, зажигающий пучки подставленных свечей, яркий свет заполняет все пространство. Все ликует. Мой супруг окунает в него лицо, бороду, водит им по волосам и радуется, как все здесь. Я не смогла даже руками его потрогать. «Давай, давай! Не бойся!» — подбадривал он меня. Но я не смогла. Стыд мучает меня и сейчас, когда я пишу эти строки. Стыд за маловерие и горькое сожаление о том, что у меня уже не будет такого случая.

Незабываемая Святая земля... Мы были на самой вершине Сорокадневной горы. Погружались в Иордан. И с палестинской стороны, и с иорданской. В Иордании посетили чудо света — незабываемый город Петру, вырубленный в камнях. Были в монастыре Святого Георгия Хозевита. Трудная дорога. Сын настаивал, чтобы я села на ослика. Но мне казалось, что ему, такому маленькому, будет тяжело, и я наотрез отказалась. Жалеющие, переживающие за меня оба Владимира не отпускали погонщика с осликом, надеясь, что, уставшая, я все же им воспользуюсь. Но нет. Было хорошо и мне, и ослику, ощущавшему на своей голове на протяжении всей дороги тепло моей руки.

Неоднократно Володя был и на Святой горе Афон. Вместе с кинооператором и фотографом Анатолием Заболоцким они издали книгу «Афон. Стояние в молитве».

И как умолчать о паломничестве в Грецию и Италию? Володя описал его в книге «Записки счастливых дней». Говорящее название.

В Бари нас вначале не пустили к мощам святителя Николая. Огорченные, мы пришли на берег моря и прочли акафист любимому русскому святому. И снова помогла общая молитва. Вернулись к храму — и чудесным образом пред нами распахнулись двери.

А сколько ездили мы по нашей любимой России! Бывали и в Северной Пальмире, и на Алтае — на днях памяти Василия Макаровича Шукшина, и в Красноярске — на 60-летнем юбилее Виктора Петровича Астафьева. Встречает нас и при всех сообщает: «Люблю Вовку, а Надьку больше». Каково?

Из иркутских впечатлений больше всего запомнилась поездка на Ольхон. В делегации были и Валя Распутин, и Станислав Куняев, и Виктор Потанин. Незабываемая поездка! Тихий песчаный остров с высокими, величественными соснами. Так хорошо, спокойно на душе. Здесь, под высоким небом, казалось, не страшно умереть. На Ольхоне Куняев объявил, что надо обязательно окунуться в Байкал. «Кто со мной?» А осень, холодно. Сибиряки Потанин и Распутин уговаривали отказаться от такого безумного решения, и я пыталась их отговорить. Но муж мой, вятский человек, не захотел уступить калужанину, и погружение в «славное море, священный Байкал» произошло.

В глубине веры своего супруга я не сомневалась никогда. Где бы он ни был: дома, на даче, в гостях, поезде, самолете, в другом городе — утром и вечером при любых условиях будут прочитаны утреннее и вечернее правило, в субботу он обязательно будет на исповеди и вечерней службе, в воскресенье, день малой Пасхи, всегда на ранней литургии и причастии. Стоит только опечалиться, он зажигает свечку, приносит акафистник и зовет: «Давай помолимся». Было время, когда я ждала не молитвы, а его слова, его руки на моем плече. Но время непонимания смысла простых слов «давай помолимся» давно прошло. Общая, горячая молитва, я уверена, спасла мою маму от жестокого приговора врачей и продлила ее жизнь на 12 лет. Уже все вместе мы ходили в храм. Она прожила 98 лет. Своего мужа я бы назвала заслуженным зятем России. Он дружил с моей мамой, ценил ее юмор, умение починить все, от телефона до утюга и электричества, находить простые решения сложных для нас бытовых вопросов, восхищался тем, что ее никогда нельзя было застать без дела. Последние три года до ее смерти, когда я тянула свой журнал практически одна, будучи и курьером, и секретарем, и художником, и техредом, Володе пришлось быть с уже очень больной мамой целыми днями и взять на себя все дневные заботы о ней. Маленькая, тихая, мама была неприхотлива, и Володе удавалось даже работать. Что-то большое не затевал, но Прасковье Александровне, как он сам говорил, обязан многими «крупинками». Войду тихо в дом, они сидят на кухне: Володя за компьютером, мама напротив, смотрит на него. Оба рады моему приходу...

Наша совместная молитва от сердца, просьба моего мужа ко всем православным друзьям и знакомым, переданная во многие города и села, даже в разные страны, по нашему убеждению, вернула к жизни любимого внука, жизнь которого в шестнадцать лет висела на волоске.

Да, и на прощание — о Вятке. Володя всю жизнь бьется, чтобы вернуть городу Кирову прекрасное имя Вятка. Мне больно наблюдать за этой битвой, на которую безрезультатно ушли годы и так много сил. Уже нет города Горького — есть Нижний Новгород, нет Куйбышева — ему возвращено прежнее название Самара, нет Свердловска — он называется, как прежде, Екатеринбург, нет Молотова — есть Пермь. А что же Киров?.. Прошу мужа успокоиться и отступить, не наживать себе врагов. Но примет ли он такое?

Уже ставила точку, но вспомнился 1974 год. Вышла первая Володина книга «Зерна». Какими мы были счастливыми, когда узнали об этом! Небольшая, скромная книжечка в матерчатых обложках разного цвета: черного, фиолетового, зеленого, белого. Володя помчался в издательство взять хоть один экземпляр, и мы встретились в центре, на площади Революции, и пошли в Александровский сад, сели на скамейку и в тишине рассматривали и листали это первое его детище. Не хотелось никуда торопиться, хотелось всех любить и всем рассказывать о нашей радости. Но мы молчали. Нам просто было хорошо. Володя взглянул на небо и, обернувшись ко мне, тихо произнес: «Посмотри... Журавли...» Нам казалось, что именно над нами, а не над огромной многомиллионной Москвой летят два журавля. Два — как знак любви и верности. Как добрый знак судьбы.

Жизнь моя, жизнь моя, что ты так быстро пронеслась и что так неостановимо летишь и теперь? Не я — крылья, это жизнь наша — крылья, недавно сильные и дерзкие, теперь уже не такие крепкие, но еще ищущие ветер...

Возвращусь к началу моего повествования. Да, я, конечно, не жена-крылья. Мало помогала мужу, очень много работала; но, как и он, я любила свое дело; как и для него, оно было для меня служением. И мне хочется верить, что мы делали общее дело и любовь у нас общая: к матерям и отцам, братьям, сестрам, родному дому, детям и внукам, к своему Отечеству. Если все-таки находить сравнение, сравнила бы себя с той никому почти не видимой страховкой, которая крепится к поясу канатоходца, придает ему уверенность и не дает разбиться, даже если он упадет, или со спасательным кругом, который удержит на плаву и поможет достичь берега... А еще — с Коньком-горбунком, который всегда в нужную минуту оказывался рядом со своим Иванушкой...

Ночь прошла. Легла почти под утро и почти не спала, думала, лежала тихо, чтобы не разбудить Володю. И вдруг слышу: «Надечка! Я Евангелие дня и Псалтирь прочел. Буду сейчас читать утреннее правило. Придешь?»

И я тороплюсь на этот родной голос. И мы, сменяя друг друга, читаем утренние молитвы, молимся за детей, внуков, друзей, родных, близких и дальних, за духовных отцов, знакомых батюшках и матушках, за наше Отечество и воинство его, о всех прежде почивших отцах, братьях и сестрах наших и начинаем вместе наступивший, подаренный нам Господом новый день, стараясь прожить его, никого не огорчая, никого не смущая, во славу Твою, Господи...

